

Елена МИХАЙЛИК

Елена Михайлик родилась в Одессе, окончила филологический факультет ОГУ. С 1993 г. живёт в Сиднее, преподаёт в университете Нового Южного Уэльса. Доктор философии, тема диссертации «Варлам Шаламов: поэтика новой прозы». Стихи и статьи публиковались в антологии «Освобожденный Улисс», журналах «Арион», «Воздух», «Дети Ра», «Новый мир», «Новое литературное обозрение». Премия Андрея Белого в номинации «Гуманитарные исследования» (2019). Автор двух книг стихов. В «Волге» стихи публикуются с 2013 года.

Это ваше ар нуво – дразнится чего?
Слышишь голос – хорошо, выйдешь – никого,
Перекошенный залив удовлетворен,
Издвательский извив льда над фонарем,
Там державный шаг залёг в каждую строку
И уже причислен Блок к ветру и песку,
Чье нуво, кого нуво,
Кто там голос над Невой,
Кто там шар(ф) над головой,
Кто куда растёт травой через одного?

В мире зима повсюду, даже за экватором дождь и в окнах темно,
На экране напротив стоит Гертруда и пьёт вино.
Состав проверять не надо, зачем тревожить непотребнадзор и потребсоюз?
От хорошего яда у вина богаче букет и прочнее вкус.

Пересказом длинным, многократным, сводящим очевидцев на нет,
Годовыми кольцами карантина (возбудитель неважен) Болдино и Лондон
сплавят сюжет

И сухой остаток – ржавый – полной горстью собрав со дна,
Скажут: все, порядок, есть задел, включайте кино – весна.

Вот это – синайский терновый куст,
цветущий три раза в год.
В это время сектор закрыт и пуст –
а что? Вам нужен другой народ?
Они же пытаются спорить с кустом,
с его пылающим ртом,
понемногу подходят поближе и...
Вы помните, что потом.
Вот это граничный сумрачный лес,

на него смотрят с небес.
Травмирован. Увидел вас – и исчез,
пока еще один не залез...
Пришлецы спят, горят, говорят,
фиксируют, что смогли,
а из него потом удаляют ад
до самого центра земли.
А это, простое, там, где окно,
да, конечно, это оно,
растет, ничем не защищено
и давно не запрещено,
к рассвету встает, к полудню цветет,
к закату приносит плод,
но если вы съедите его
(а вы, конечно, съедите его),
то – существо вы иль вещество,
или – в вашем случае – волшебство –
вы войдете в человеческий род.

I.

Английская погода вызывает сплин, австралийская – жареный сплин,
и сегодня у сиднейских холмов и долин температура – сорок один,
рыбы забираются под брюхо киту, улитка закрывает ставни в доме,
дождь еще не испаряется на лету, но дело идет к тому.
А в далекой Японии профессор N экспериментирует с мышами,
отыскал в них переключатель, отправляющий в зимнюю спячку,
пусть перебирается к нам – обрстет и подопытными, и барышами,
мы проспим весь ноябрь (и декабрь, и особенно февраль) всем городом, вместе с
аэропортом и водокачкой.
Ура!

II.

Английская погода – это мокрый сплин, австралийская – затопленный сплин,
Очень трудно предаваться созерцанию осин, если воды – выше осин.
Все проснутся глубокой осенью в состоянии придонной обиды –
был же курортный сезон, а куда пропал, вынь его и положи...
А откуда спали, пришла погода из Антарктиды,
и все хором – в зуме – жалуются на дождь (постоянный, сплошной,
непрерывный ноябрьский дождь).
Эвкалипты работают водорослями, коалы плывут (с тоскою),
вместо улиц – реки, вместо дворов – пруды,
на четвертый день водяная змея выбирается на твой подоконник
и с омерзением смотрит на растущий объем воды.
Через несколько месяцев, повинувшись своим процессам, прилетит Некто и
отделит сушу от вод,
но пока он где-то шляется, господин японский профессор,
нельзя ли спячку на год?

III.

Просыпаешься, а на обсерваторном холме из термометра, ожив, убежала ртуть,
полейте нас, кто-нибудь, и дайте уснуть.

Гигантский ленивец упал в сенот, и хранится там до сих пор.
Его никакая хворь не возьмет по обе стороны гор.
Он для науки вовеки цел, его зафиксировал
своевременный безударный пробел, то есть карстовый провал.

Переводя: «танцуют в кругу на Авиньонском мосту»,
еще не знаешь, что этот мост обрывается в пустоту,
механическое нарушение ритма – пролет переходит в нигде.
Pont и gond – двойная точная рифма – это удар по воде.

Как угадать, среди подстрочных сфер лоя неродную речь,
какой контекст и какой размер пожелают тебя сберечь?
Ускользнуть туда, где еще горим, где плывем – города, поезда, прозрачные
острова,
навязав поэме собственный ритм, запечатав ее в слова.

Марии Шрейдер

Кэтлин Дрю-Бейкер, ботаник,
неоплачиваемый научный сотрудник
Манчестерского университета,
выходит погулять на берег
холодного Ирландского моря.
Ветер пахнет солью и йодом,
под водой шевелятся красные полотнища –
порфира, водоросль, валлийский хлеб,
завтрак шахтера, защита от авитаминоза.
Взрослые особи.
В какой-то момент они просто приплывают,
укореняются и начинают расти.
Те, кто тысячами варил этот хлеб,
не знают, откуда они берутся.

*Огонь идет по японскому побережью,
пепел падает в воду.
Потом приходит тайфун.*

Кэтлин Дрю-Бейкер
глядит на красный и бурый предмет исследований.

С тех пор, как она вышла замуж
и ее уволили с работы:
замужняя женщина-профессор –
это невыгодно и аморально,
как знает любой британец...
В общем, вести исследования
стало немного сложнее.
Впрочем, у нее есть стеклянные банки,
возможность собирать образцы,
доступ к лаборатории.
Мораль не мораль, пожар не пожар,
война не война –
ей нужен ответ, и она его получит.
В сорок девятом году она опубликует статью,
В пятьдесят седьмом – умрет.
Во всяком случае, сначала ей так покажется.

*Радужная жидкость
качается в устьях рек.
Потом приходит тайфун.
Потом еще один.
К сорок восьмому году на побережье Японии
вымирают красные водоросли.
В стране больше нет нори.
Война, огонь, ядерная бомбардировка,
теперь еще и это.
В сорок девятом придет статья.
Нитчатая красная слизь,
живущая в двустворчатых ракушках,
это не мелкий вид-паразит,
это стадия развития нори –
их можно растить.
В пятьдесят третьем на мелководье
встанет первая ферма.*

Четырнадцатого апреля
две тысячи неважного года
Кэтлин Дрю-Бейкер,
уже не помнящая, как правильно произносят «л»,
проходит над морем Ариакэ
(максимальная глубина – 50 метров).
Мать Моря, покровительница открытий,
подательница жизни
следует в своё святилище в Уто,
на ежегодный праздник.

*В сотнях километров к северу
фронт формирует трубку...
встречает рассеянный взгляд из-под очков,
слышит подводный хруст,*

*и послушно рассыпается.
Пока что это предел.*

Бурые лопасти под водой
кланяются ей,
ракушки перестают дышать,
рыбы застывают в потоке...
Чтобы выжить,
чтобы обрести настоящее бессмертие,
биологический вид должен стать съедобным,
должен стать полезным,
должен стать желанным,
но сверх этого –
должен стать восстановимым,
способным восполнить любые потери.
В 1953 красные водоросли
и союзные им виды
добились результата.
600 квадратных километров моря
отведено под фермы.
И площадь только растёт.

*Святилище в Уто
привлекает все больше паломников –
даже из Китая, даже из Вьетнама,
Северная Корея еще не кланяется,
но уже знает по имени.
Страшная вещь – благодарные люди
и благодарные водоросли.*

Кэтлин Дрю-Бейкер
улыбается про себя.
Божество – тоже неоплачиваемая работа.
И никто не знает, откуда берутся боги.
В какой-то момент они просто укореняются...
И начинают расти.
Запах морского хлеба...
Замечательное поле
для нового исследования.

К двенадцати – кум королю –
поет петроградский колодец
как к праздничному кораблю
уснувший воскрес полководец,
летит по ночным небесам,
является – силою шквала,
и чертит – как выдумал сам,

и чинит – прорехи, провалы,
слепой шестереночный хлам,
чтоб время с пространством совпало...
но в полночь по этим часам
из гроба встает кто попало.